

Нинель Ивановна Приймак, доктор исторических наук,
профессор кафедры источниковедения истории России
Санкт-Петербургский государственный университет, Россия
istochnikpu@gmail.com

Финляндия 40–50-х гг. XIX в. в записках русских путешественников¹

Записки, русские путешественники, Финляндия

Memoirs, travels to Finland from Russia

Записки Ф. В. Булгарина, Я. К. Грота, С. С. Джунковского, А. П. Милюкова о поездках по Финляндии в 1840–1850-х гг. интересны для тех, кто изучает историю и облик городов и сельских поселений, взаимовлияние природы и человека, повседневную жизнь крестьян, обязанности и роль пасторов, сельских и городских чиновников, природные и исторические достопримечательности.

Memoires of F. V. Bulgarin, J. K. Grot, S. S. Gzunkovskiy, A. P. Miljukov about travels to Finland in 1840–1850 are of interest for those who study history and image of towns and rural settlements, duties and role of pastors, village clerks and city officials, nature and historical showplaces.

Для изучения этого сюжета выбраны записки четырех авторов: Фаддея Венедиктовича Булгарина (1789–1859), Якова Карловича Грота (1812–1893), Степана Степановича Джунковского (1820–1870), Александра Петровича Милюкова (1817–1897). Ф. В. Булгарин, Я. К. Грот и А. П. Милюков были известны образованной части общества: Булгарин — как писатель, журналист, отчасти как историк; Грот — как филолог, историк, профессор Гельсингфорсского университета в 1841–1852 гг., автор статей о Финляндии, регулярно публиковавшихся в «Современнике» П. А. Плетнева; Милюков — как писатель, преподаватель литературы в столичных гимназиях и институтах. С. С. Джунковский был сыном известного своими трудами Степана Семеновича Джунковского (1763–1839), оставившего несколько поэтических произведений.

¹ Работа выполнена при поддержке РГНФ. Грант 10-01-00632 а/Ф.

К моменту поездки в Ревель и Гельсингфорс в середине июня 1839 г. Джунковскому было девятнадцать лет (его отец скончался 3 (15) апреля 1839 г.). Вероятно, это было его первое путешествие с целью, как он писал в своих заметках, «объехать и узнать на опыте нашу милую Россию, а потом отправиться за границу» [1, с. 1–2]. Отличаясь с юности религиозностью, С. С. Джунковский посвятил свою жизнь духовной деятельности [2, с. 559–560].

Общим для всех авторов был интерес к путешествиям, особенно в края, которые оставались к тому времени недостаточно известными. А. П. Милюков специально обратил на это внимание, заметив, что Италия и земли на Рейне хорошо известны путешественникам из России, и их достопримечательности описаны во многих трудах, а Финляндия похожа на «дикий лес, о котором вы слышали одни таинственные сказки», и куда вы должны были войти, не имея возможности предварительно получить знания о нем [3, с. 1]. Я. К. Грот объяснил основную причину этого: хотя к 1850-м гг. Финляндия была уже почти сорок лет в составе Российской империи, знакомство с ней стало более возможным благодаря развитию с 1830-х гг. пароходства, сделавшего удобным для жителей Петербурга посещение Гельсингфорса и Стокгольма, тем более оживившегося после открытия в Гельсингфорсе заведения минеральных вод и морского купания [4, с. XI]. В связи с этим полезными могли быть впечатления и советы тех, кто уже побывал в Финляндии. Среди таких выделялся Я. К. Грот, который с 1837 г. подряд три летних сезона провел в путешествии по Финляндии, а с 1840 стал постоянным жителем Гельсингфорса, откуда в мае–июне ежегодно ездил по Финляндии. Не менее важно, что с самого начала своего знакомства с Финляндией Я. К. Грот стал изучать историю страны, особенно литературу, обычаи, нравы, в чем ему помогало знание шведского и финского языков [5; 6]. Авторы путевых записок понимали, что их читателю важно было не только узнать о стране, которую они собирались посетить, но и получить практические рекомендации относительно маршрута, гостиниц, стоимости жилья и питания, традиционных правил общения с местными жителями, а также знания, которые позволили бы достаточно уверенно чувствовать себя в незнакомой среде. Понимая необходимость таких рекомендаций, Я. К. Грот составил к своим запискам приложение с описанием маршрута путешествия в 1846 г. от С.-Петербурга до Гельсингфорса, в котором были названы города и местечки, через которые они проезжал, с обозначением расстояния между станциями, где можно было остановиться для отдыха и поменять лошадей, отсылая читателя к тексту, где давалось их описание с краткими

замечаниями о состоянии таких станций: «хорошая», чаще всего, или «очень хорошая» и «порядочная», редко «дурная» или «плохая» [4, с. 235–241]. Ф. В. Булгарин описал особенности своей поездки в 1838 г. из С.-Петербурга в Ревель на почтовых лошадях, а затем парохом «Сторфурстен» (в переводе — «Великий князь»), построенном в Англии, в Гельсингфорс, при этом указал возможность поездки на этом пароходе из Кронштадта в Гельсингфорс со 2 мая по 10 октября, приведя стоимость поездки в каютах первого и второго класса и соответствующие этому удобства, а также сообщив о времени в пути от Ревеля до Гельсингфорса (5 часов) [7, с. 75–78].

Общим для всех этих путевых записок было описание увиденного и характеристика разнообразия впечатлений. Наиболее эмоционально и колоритно о своих впечатлениях писал А. П. Милюков. В основном они сложились под воздействием природы Финляндии — «вековой жизни природы», которая оставила «бесчисленные памятники из векового гранита», свидетельствующие о действиях не людей, а стихии, отражавшие геологическую историю этого края [3, с. 42]. Это было уже заметно в начале поездки парохомом от Валаама в Сердоболь, когда можно было увидеть приближение «суровой и мрачной» Финляндии: «кустарник становился реже, нагие утесы мрачнее», «дикие скалы выставляли свои обнаженные ребра», не видно было птиц [Там же, с. 25]. Сам городок Сердоболь, «маленький, печальный», стоящий на «цельной каменной скале», местами прикрытой тонким слоем земли, был обязан природе тем, что она вымостила его улицы — каждая из них являлась «сплошным гранитным» полотном и содержалась опрятно — ее подметали не дворники, а северный ветер [Там же, с. 28–29]. От Сердоболя начиналась «гористая сторона», песчаная желтая дорога то поднималась на возвышения, то опускалась в долину, то исчезала за горными отрогами. Предоставленная путешественникам двухколесная тележка (таратайка) с низенькой лошадкой («неутомимой и ловкой») и извозчиком, чаще всего мальчиком или девочкой лет десяти–одиннадцати («в синей суконной куртке с медными пуговицами, с красным платком на шее, и, соответственно, в красной юбке и суконной курточке») давала возможность ехать достаточно удобно, наслаждаясь впечатлениями от меняющихся природных картин, которые в целом создавали «дикую и грандиозную» панораму [Там же, с. 29–33, 36, 44]. А. П. Милюков (это подтверждают записки и других авторов) уловил и выделил особое воздействие природы на образ жизни и характер финнов: «Здесь на каждом шагу вы находите поразительную аналогию между страной и всем бытом ее населения. В финляндском городе та же мрачность и безмолвие, как

в окружающих его горах и озерах. Деревянные домики, потемневшие от времени или окрашенные в любимый красный цвет, вполне гармонируют со страной, покрытой сплошными массами серого и красного гранита». Характер края еще больше подчеркивали деревни: «люди разбросаны в таком же хаосе, как земля и воды», поэтому земля, принадлежащая одной семье, могла быть перерезана озером или цепью скал. Естественно, труд на такой земле развил в характере финнов «необычайную твердость и упорную настойчивость», а жизнь в уединенном месте, вдали от соседей, приучила их к «молчанию и суровой задумчивости», так что, по словам А. П. Милюкова, в финнах «ярко отражается твердость и мрачность его гранитов» [Там же, с. 130–131]. А. П. Милюков отмечал также, что Финляндия «бедна звуками: глубокое молчание изредка прерывается здесь шумом соснового леса да погремушками рассеянного стада», тем «яснее слышится здесь громовое пение водопадов, полное дикой и оригинальной гармонии» [Там же, с. 156]. Такие впечатления побудили А. П. Милюкова сделать вывод, что в Финляндии «город не имеет смысла: это какая-то случайность, возникшая не из потребности самой страны, а по чуждому влиянию. Все они основаны шведами или русскими» [Там же, с. 79].

Сложный характер взаимовлияния природы и человека в Финляндии отмечал и Я. К. Грот, подчеркивая терпение и трудолюбие людей в преодолении преград, сотворенных природой, выделяя вместе с тем стремление жителей страны создавать гармоничные отношения с миром природы, соседствуя с ней и облагораживая занимаемое людьми пространство, что особенно было видно в конце 1840-х гг. в Гельсингфорсе при активно происходившем тогда строительстве [8, с. 70–72].

По мнению А. П. Милюкова, особенности воздействия природы на человека в Финляндии проявлялись даже в его внешности. Невозмутимое спокойствие финнов, их мрачность и молчаливость оттенялись характерными для их лиц чертами. А. П. Милюков писал, что довольно часто встречались лица, которые «блистательно оправдывали известность, еще в Средние века приобретенную финнами по всей Европе, по части колдовства и чародейства». Это были «загорелые и сухие лица, с блестящими впалыми глазами и длинными прядями рыжих волос», которые, как повествовали саги, «волновали море, навели мрак на солнце, вызывали мертвых» и т. п. Этот облик, по мнению А. П. Милюкова, был достаточно характерным. Описывая финнов из разных мест, он вновь отмечал угрюмость лиц, закрытых наполовину прядями длинных рыжих волос, глаза, сурово сверкавшие из-под широких полей шляпы [3, с. 27, 45]. Контраст с таким обликом подчеркивала праздничная одежда, в которой финны посещали воскресные службы.

По описанию А. П. Милюкова, он стал свидетелем того, как крестьяне из своих деревень на лодках спешили в Сердоболь на церковную службу: «Мужчины в синих суконных куртках с металлическими пуговицами, женщины в шерстяных полосатых или клетчатых юбках ярких цветов, с большими медными и жестяными бляхами на шее, прицепленными в качестве наших брошек». При этом на веслах были женщины, а мужчины сидели в лодках «в самом полном бездействии» [Там же, с. 25].

Наиболее полное по своей сути и соответствующее исторической судьбе описание народа Финляндии было сделано в заметках Я. К. Грота. Основанное на впечатлениях, но при этом соотнесенное с историей развития финнов как нации, подтвержденное лингвистическими исследованиями, оно отражало историю и современность: «Несмотря на продолжительную зависимость от Швеции, несмотря на заимствование отсюда религии, законов и нравов, финны никогда не могли вполне слиться с нацией, столь чуждою им по происхождению, языку и характеру»; «финны в значительной мере сохранили свои первобытные свойства и чистоту собственного языка»; финский крестьянин, особенно в тех местах, где «чрезмерная нужда или вообще неблагоприятные внешние обстоятельства не исказили его душевных способностей», являлся часто человеком «набожным, благородно чувствующим, здраво и тонко мыслящим, выражающимся умно и приятно». В связи с этим Я. К. Грот подчеркивал, что финский язык составлял для филолога «явление драгоценное и в некотором смысле единственное», в котором особенное отражение нашла народная поэзия [4, с. XIII]. В этом ему помогали беседы с финским фольклористом Элиасом Лёнротом (1802–1884), составившим на основе ижорских и финских рун эпос «Калевала», собиравшим народные пословицы, загадки. Лёнрот сопровождал Я. К. Грота в этой поездке в течение июня 1846 г. от Куопио через Улеоборг в Каяну, где он жил. Я. К. Грот писал, что из всех приятных моментов путешествия общество Э. Лёнрота (Ильи Ивановича, как он его называл) было «всего дороже» [Там же, с. 41, 167–170]. Заметки о характере Э. Лёнрота, его скромности, простосердечии, равнодушии к удобствам и т. п., его манере общения с жителями, беседах по поводу сходных корней в русском и финском языках; сведения из его биографии, в том числе о живших в окрестностях Каяны его родителях — отце в возрасте восьмидесяти лет и матери, которой пошел 74-й год, что «по прямому стану» и «приветливому лицу» нельзя было угадать, делают эти наблюдения Я. К. Грота ценными для изучения биографии финского фольклориста [Там же, с. 41–43, 57–60, 79, 163, 167–170]. О Лёнроте Я. К. Грот составил обобщающий портрет: «Нельзя вообразить себе никого скромнее его, простосердечнее,

равнодушнее к удобствам и приятностям жизни, безопаснее о самом себе. По его лицу и всей наружности уже легко узнать человека, не изнеженного прихотями утонченного городского быта» [Там же, с. 19].

Достопримечательностью, которая могла заинтересовать путешественника, были станции («гастгеберства»), где имелась гостиница и можно было поменять лошадей. Обычно станция располагалась в стороне от дороги, иногда довольно далеко: ее можно было издали заметить по огромному шесту с изображением коня на вывеске. Чистота, удобства, еда были различными, но доброта, бескорыстие, честность, вежливость содержателя станции («гастгебера») отмечались всеми путешественниками. Грот писал, что, например, на станциях, находящихся на дорогах, ведущих от Сердоболя через Рускеалу к Нейшлоту и Куопио, где бывало мало путешественников, станции были тесны и не имели удобств, но крестьяне (содержатели станций) отличались неизбалованностью и бескорыстием, так что не хотели брать за ночлег и продукты [Там же, с. 18–19; 3, с. 32–33]. В большинстве своем станции были устроены хорошо. В Рускеале, известной тем, что там добывался белый мрамор, в том числе для Исаакиевского собора и Эрмитажа, станция была, по словам А. П. Милукова, «бедна, но опрятна», а около Рандасало, по дороге к Нейшлоту, станция оказалась, по записи Я. К. Грота, богатой: много построек, «просторные и порядочно убранные комнаты», апельсиновое дерево в убранстве. Содержателем оказался русский купец Кононов, оставшийся в Финляндии после войны 1808 г. тринадцатилетним мальчиком, видимо, бывшим в услужении у какого-нибудь маркитанта [4, с. 25–26]. В Куопио Я. К. Грот и Э. Лёнрот остановились в гостинице, которая содержалась хорошо, даже с «некоторой роскошью», ее хозяином был кондитер Вик, построивший пароход, который доставлял муку и другие товары из Нейшлота и Вильманстранда [Там же, с. 42]. Обычно содержание станций являлось казенной повинностью крестьян, которую, по словам Я. К. Грота, многие находили «тягостною», но исполняли «чрезвычайно совестливо» [Там же, с. 76]. Крестьяне поставляли лошадей для проезжающих, а для станций, находящихся в городах, этим специально занимались т. н. «фурманы», для которых содержание лошадей обходилось дороже, и, соответственно, вдвойне нужно было платить за проезд из города до следующей станции. Путешественнику приходилось также переправляться через реки, этим занимались специальные перевозчики из крестьян [Там же, с. 77].

Содержание дорог являлось в Финляндии также казенной повинностью крестьян: по сторонам дороги стояли маленькие красные столбики, ими обозначали участок дороги, за обслуживание которого отвечало

отдельное крестьянское хозяйство («геймат»). Чем больше было гейматов в уезде, тем меньше были эти участки. Например, Я.К. Грот заметил, что около Улеборга эти столбики стояли часто [Там же, с. 128]. Как отмечали все авторы записок, станции и дороги в Финляндии вызывали похвалу за бескорыстие, удобства и безопасность: случаи воровства были редкими даже в городах. Правда, ближе к Выборгу картина была другой: у ворот станции приезжего встречали нищий, а извозчик, получая плату, поглядывал с желанием получить сверх платы [3, с. 103, 192–193]. Но в целом, как писал Ф.В. Булгарин, «взятки нет вовсе». Существенную роль в этом, по его мнению, имело то, что все жили отдельно, часто на значительном расстоянии: крестьяне — в гейматах, помещики — на своих мызах, все знали друг друга, а семейные связи удерживали в пределах закона и общепринятого мнения [7, с. 368]. Определенное значение в этом играли религиозность и, несомненно, авторитет пасторов.

Я.К. Грот подробно описал систему церковного управления в Финляндии: две епархии — Абоское архиепископство и Боргоское епископство; духовное начальство, кроме дел церкви, управляло училищными ведомствами; каждая епархия делилась на множество приходов разной величины, которые отличались размерами земли и числом прихожан, чем определялись и различные доходы: в сельской местности пастор получал с прихожан доходы натурой, в городе — денежными сборами; образованностью пасторы не очень блистали — обычно они заканчивали гимназию и при университете семинарию; к пасторской усадьбе приписывались угодья, так что часть земли отдавалась крестьянам на откуп; гостеприимство в пасторском доме являлось своеобразной «гражданской обязанностью или общественной повинностью». Во многом пастор в Финляндии исполнял не только обязанности духовного наставника, но и был лицом, представлявшим гражданские власти [4, с. 27–34, 126–127]. Грот отметил интересную особенность, что в случае смерти пастора такой пасторат становился на некоторое время вакантным, а доход от сдачи в аренду находящейся при нем земли шел в пользу Гельсингфорского университета [Там же, с. 121].

Сельские и городские чиновники представляли собой немногочисленное общество: «коронный фохт» взыскивал в деревнях подати и повинности; в небольших городах, например, в Каяне — это бургомистр, судья, пастор с адьюнктом, ратман², почмейстер, аптекарь, землемер [Там же, с. 35, 163]. Образованность этой части общества специально отметил и Ф.В. Булгарин [7, с. 368]. Грамотность крестьян,

² В Российской империи в XVIII–XIX вв. — выборный член магистратов и ратуш, в XIX в. — управляющий благочиния.

по замечанию многих, была естественной: обязанностью матери было обучение детей грамоте; обязательным перед допущением к первому причащению было знание не только основных положений религии, но и «свободное чтение» катехизиса и знание его наизусть. Обычной, по характеристике Я. К. Грота, была такая картина в доме крестьянина, когда можно было увидеть несколько книжек на финском языке, большей частью духовных, но и на другие темы, издаваемых для простых людей, например, «Простонародный календарь»; кто-то читал вслух, когда другие члены семьи занимались своими делами, а дети играли [4, с. 55–56, 78]. Иностранцам финский язык казался очень сложным из-за особенностей склонения и спряжения, произношения и различий местного наречия. По мнению Я. К. Грота, эти и другие особенности финского языка, отличавшие его от русского, могли позволить уяснить причину противоположности «между флегмой одного и живостью другого народа» [Там же, с. 57–60, 77–78]. Вместе с тем Я. К. Грот отметил, что русский язык в какой-то степени был понятен некоторым жителям Сердоболя, Кексгольма [Там же, с. 15–16]. Этому способствовали складывающиеся торговые отношения местных жителей с Россией. После войны 1808–1809 гг. некоторые русские, сопровождавшие армию, остались жить в Финляндии и занимались торговлей. В основном возили для продажи в Петербург продукты: масло, дичь, рыбу, торговали финны и с жителями Архангельской губернии [Там же, с. 22–23, 26, 39, 122–123].

Поражали путешественников финские крестьяне обустройством своего жилища, а также обычаями. Я. К. Грот и Ф. В. Булгарин отмечали зажиточность крестьян в Улеборгской губернии: большое количество хозяйств (гейматов), много строений; в главном доме просторные комнаты и большие окна, рядом обычно хозяйственные постройки — рига, баня, колодец, житница, часто и мельница, кузница, что свидетельствовало об обычае изготавливать своими руками многие изделия [4, с. 69–70]. В других губерниях (Куопио, Санкт-Михеле³) крестьяне были более бедны и менее образованны; ближе к Выборгу, по словам Ф. В. Булгарина, «нечисты, невежественны, бедны и беспечны» [7, ч. 2, с. 366].

В целом Я. К. Грот и Ф. В. Булгарин писали о финнах как о предприимчивом народе. Булгарин называл в числе занятий, где предприимчивость была особенно нужна, торговое мореплавание. Поясняя, что лучшие суда строились в Або и Борго (их тогда, к концу 30-х г. XIX в., было за сто), он подчеркивал, что они не уступали американским и английским судам, а финские моряки были «трудолюбивы, ловки

³ Современный город Миккели.

и неустрашимы», шкиперы отличались «искусством в управлении судами, познаниями навигационных наук и бдительностью» [Там же, ч. 1, с. 73]. Описывая Улеборг, Грот отметил особый «торговый дух», «торговый характер», определявший образ жизни в этом городе: всего от 5000 до 6000 жителей, а торговлей занималось не менее 70 человек; у местных купцов было до 40 кораблей, ежегодно на местной верфи строились два-три судна, и вели они фрахтовую торговлю [4, с. 129–130].

С другой стороны, Я.К. Грот отметил отсутствие «сметливости, сноровки и предприимчивости» у крестьян, которые, традиционно занимаясь смолокурением, терпели убытки при перевозке бочек со смолой от Каяны до Улеборга по реке через пороги, объясняя это привычкой не считать трудов своих и вместе с тем нуждой в наличных деньгах для уплаты податей. При этом Грот пояснил, что проводимые работы по устройству шлюзов должны были вскоре улучшить этот путь [Там же, с. 212–216].

Великим проектом А.П. Милюков называл строительство Сайменского канала, которое было начато в 1846 г. по проекту шведского инженера Эриксона, чтобы соединить с Выборгским заливом громадное озеро Сайма, связанное с множеством других водных бассейнов внутренней части Финляндии. А.П. Милюков в своей поездке в начале 1850-х гг. видел продолжавшееся строительство и его результаты: «цельные гранитные стены, прекрасные чугунные мосты, великолепные шлюзы» [3, с. 86–89].

Милюков обратил внимание на использование русскими купцами ряда привилегий, какие имели близкие к границе с Россией города. В Лаппенранте из-за привилегий числились приписанными к городу до 20 петербургских купцов 1-й и 2-й гильдий [Там же, с. 84].

Описание городов Финляндии составляет значительную часть текста записок А.П. Милюкова и Я.К. Грота. Авторы обычно описывали внешний облик городов, выделяли достопримечательности, обращались (особенно Грот) к их истории, характеризовали благоустройство, приводили сведения о гостиницах, отмечали, как и где было приятно и весело провести время.

У А.П. Милюкова сложилось впечатление, что большинство городов Финляндии отличались «необыкновенной пустотой и отсутствием жизни»; он даже писал о «безлюдных» городах [Там же, с. 79, 89]. По его характеристике, во многих городах он видел «безлюдные улицы, деревянные красные домики, в которых таятся невидимые жители», что придавало грустный вид их облику, к тому же в них было мало садов и земли, казалось, что возможно финнам «надоели их дикие

леса», так что в городах они старались избавиться от зелени и тени [Там же, с. 79, 84, 89]. Санкт-Михеле поразил А. П. Милюкова «своей могильной тишиной»: «маленький, чистенький городок, правильно выстроенный по плану»; на площади — «довольно большой луг, обсаженный с четырех сторон тощими березками в качестве сада и обнесенный загородкой, вероятно для того, чтобы люди не беспокоили гуляющих там коров»; улицы совершенно пусты — в девятом часу вечера не встретили ни одного человека; город заснул прежде, чем раздался голос ночного сторожа [Там же, с. 79–80]. Такими городами показались А. П. Милюкову и Рускеала, Нейшлот и другие. Правда, для путешественников в Рускеале было интересно осмотреть карьеры, где добывался мрамор, а в Нейшлоте — замок, который когда-то был самой значительной крепостью во внутренней Финляндии (к 1850-м гг. там проживал один «дряхлаый инвалид», занимавший комендантский дом) [Там же, с. 52–53]. Но вместе с тем в этих маленьких городах путешественник особенно ощущал покой, порядок и идиллию от увиденных картин. Например, выйдя утром из станции, где А. П. Милюков остановился на ночь, он увидел возле самого гостгербства полуразвалившуюся мельницу над небольшим водопадом, две-три женщины полоскали белье в «шумно гремящем каскаде», а полдюжины стариков сидели на лавках «в широкополых шляпах и в невозмутимом молчании курили из своих коротеньких трубочек» [Там же, с. 33]. Довольно значительным городом, по описанию Я. К. Грота, был Куопио (около 2300 жителей), жизнь в котором казалась достаточно дорогой, так как крестьяне увозили продукты в Петербург, где они могли их продать с выгодой. Город отличался более активной жизнью в сравнении с другими городами по такому же числу жителей: в нем имелись четыре церкви, гимназия и высшее элементарное училище, книжная лавка и типография, выходили две газеты — одна на шведском и «для простого народа» — на финском. Благополучие города обеспечивал, как писал Грот, «промышленный дух», характерный для крестьян этой местности: торговля продуктами и лошадьми, в том числе в Петербурге; много было лесопильных мельниц и доски сплавлялись по озеру и дальше в Сайму [4, с. 38–40].

Торнео, по описанию Я. К. Грота, был интересен своей историей (когда-то в старину его называли «маленьким Стокгольмом»), но после пожара в 1762 г. он утратил эту характеристику: в нем к 1845 г. было не более 550 жителей; основным занятием крестьян вокруг него было хлебопашество, успеху которого должна была способствовать проводимая осушка болот; общее состояние и нравы крестьян были хорошими; некоторые производимые изделия (например, перчатки

из тонкой кожи молодых оленей), а также копченые олени языки и окорока были широко известны своим качеством [Там же, с. 115–120]. Развитой торговлей отличался Улеоборг: множество лавок и принадлежавшие купцам суда подтверждали это, как и количество жителей — от 500 до 6000 человек. Путешественникам город показался гостеприимным, его внешний вид, правда, не был интересным — сплошь одноэтажные деревянные дома, фундамент которых был скрыт мостовой, проложенной после пожара 1822 г. Но почти в каждом доме была лавка [Там же, с. 129–130]. Особой достопримечательностью Улеборга путешественники называли сплав лодок с бочками смолы через пороги реки Улео [Там же, с. 137–142].

Переезд из этого города в следующий по пути город Каяну возможен был только водным путем, около 60 верст по озеру Улео, это оказалось вполне удобным и безопасным. Сам городок Каяна состоял из двух-трех параллельно расположенных улиц с низенькими старыми домами, большей частью выкрашенными в красный цвет. Местные крестьяне называли этот городок деревней: в нем проживало до 400 человек; всем живущим в окрестностях была понятна фраза: «Еду в город; тебе кланяются из деревни», т. е. еду в Улеоборг, а привет — из Каяны. Между тем, как отмечал Я. К. Грот, этот городок имел ратушу и бургомистра [Там же, с. 153–160], в нем постоянно жил Э. Лёнрот. С историей этой местности была связана поездка императора Александра I в 1819 г. в Каяну и Улеоборг. Поэтому Я. К. Грот подробно описал места, которые посетил император, обратив внимание на то, что некоторые строения, например, бывшая конюшня, которая в те времена была новой и могла быть немного переделана, использовались в качестве столовой и сохранились как достопримечательность [Там же, с. 174–202]. Эти свидетельства Я. К. Грота дополняли известные описания путешествия Александра I.

Рассказы о городах Финляндии, изложенные Я. К. Гротом, дополняются подробным сообщением А. П. Милюкова о Выборге, который, в сравнении с ранее увиденными небольшими городами, действительно показался «красивым, веселым, почти многолюдным». В нем, как писал Милюков, имелись все признаки «порядочного города»: «каменные дома, торговля, публичные сады, нищие, книжные лавки, кондитерская, даже гауптвахта». Традиционным был вечерний крик сторожа «с заунывным приглашением гасить огонь и ложиться спать», а своеобразным оказался «глухопротяжный звук какой-то трубы» каждые полчаса, как впоследствии выяснилось, издававшийся сторожем лютеранской церкви с помощью особого инструмента

и свидетельствующий о спокойствии в городе [3, с. 103–105]. Описание Выборга как главного города старой части Финляндии сочеталось в очерке Милюкова с характеристикой его как губернского города, во многом к середине XIX в. напоминавшего уже Россию: в городе было много офицеров, на крыльце губернаторского дома — жандарм, жителей более 5000, среди них русские, шведы, немцы и финны, у каждого народа своя церковь и свой язык. Город был в зелени, выделялись городские сады, особенно Монрепо, «прославленный сад барона Николаи» — «странное, живописное произведение природы и искусства» [Там же, с. 106–110]. А. П. Милюков советовал жителям Петербурга совершить путешествие в Выборг с обязательным посещением Иматры. Он оставил в своих записках восторженное описание красоты и величественности этого водопада: «Представьте себе реку, шириной почти с Неву, которая после недалевого, но быстрого бега из Саймы встречает на пути своем тесное ущелье, пробитое в незапамятные века глубокой трещиной в гранитном кряже. Гонимая страшным напором вод река мчится по этой наклонной теснине, усеянной громадными камнями, изрытой глубокими впадинами, с ревом, грохотом и свистом мечется через них, плещет необъятными массами воды, превращается в снежно-белую пену, и, вырвавшись на простор, разливается опять широкой, неправильной рекой и бежит в Ладожское озеро» [Там же, с. 93].

Авторы записок завершают свой рассказ о путешествии в Финляндию описанием Гельсингфорса. Исключение составляют записки Я. К. Грота — Гельсингфору он ранее посвятил специальный очерк, опубликованный в 1840 г. в XVIII томе «Современника», описывавший этот город во время его посещения в 1838–1839 гг.

Другие же авторы, Ф. В. Булгарин, С. С. Джунковский и особенно А. П. Милюков, представили в своих записках довольно подробные впечатления о посещении Гельсингфорса в 1838–1839 и в 1851–1852 гг.

Все авторы отмечали особенности природного ландшафта: город, стоящий на гранитных скалах, море «с печальным шумом плещется однообразно о серые камни». Все подчеркивали, что Гельсингфорс производил впечатление города, не имеющего прошлого: «без малейшего остатка старины, без всяких преданий и памятников» [Там же, с. 197]. Булгарин и Милюков отмечали, что Гельсингфорс напоминал «уголок Петербурга» или «Петербург в миниатюре» [Там же, с. 198; 7, ч. 1, с. 88]. В значительной степени такой вид создавали правильно расположенные широкие и прямые улицы, а также правильные четырехугольные здания. Особенное настроение городу придавали

путешественники. Милюков писал: «Гельсингфорс живет одними приезжими, просыпаясь с появлением первого весеннего парохода и засыпая с последней кружкой минеральной воды», выпитой на курорте минеральных вод [3, с. 198]. Джунковский также подчеркивал характерную для планировки улиц и зданий правильность линий и форм, среди которых выделялся в 1839 г. голубой купол недостроенной церкви [1, с. 15] (к 1852 г. эта лютеранская церковь св. Николая с «великолепными портиками и пятью голубыми куполами» уже царила над городом). Среди выделявшихся своим обликом зданий все путешественники называли Сенат, университет и университетскую библиотеку, затем обсерваторию. Все они отмечали, что этот город своим видом отражал сложные отношения человека с природой: лестница от Сенатской площади, ведущая во всю ее ширину на скалу, стала пьедесталом собора; улицы, «вырванные силой пороха в гранитной горе»; заведение минеральных вод, расположенное на высоком гранитном холме [3, с. 199–201; 7, ч. 1, с. 96–98]. Путешественники обращали внимание на необыкновенно быстрое развитие города, признавая, что после пожара в Або в 1827 г. Гельсингфорс стал не только административным центром, но и главным городом науки и просвещения в связи с переводом сюда университета. Гельсингфорсу такое состояние обеспечивали и созданные здесь же Финляндское ученое общество и Финское литературное общество, которое должны было способствовать развитию народного языка и литературы, успехи которого были связаны с деятельностью Э. Лёнрота [3, с. 206–209].

Впечатление о Гельсингфорсе не могло быть полным без посещения Свеаборга, к которому путешественники могли добраться за четверть часа на т.н. «колесоходе» — лодке, у которой к бокам были приделаны вместо весел колеса, которые крутили «четверо здоровых финнов» [Там же, с. 216]. Общая для всех записок картина крепости — среди моря высится «остров голого камня», «твердыня, построенная на граните из одного только гранита», пушки выглядывают из окон гранитного вала и напоминают «о войне, разрушении и смерти» [Там же, с. 217; 1, с. 14–15].

Яркие по описанным впечатлениям записки А. П. Милюкова, дополненные краткими пояснениями С. С. Джунковского и эмоциональными замечаниями Ф. В. Булгарина, соединенные с подробными сведениями о современности и истории Финляндии Я. К. Грота, — все вместе эти записки создавали содержательное повествование, которое могло быть интересным и полезным для путешествующих, и делали уже заранее привлекательной поездку в Финляндию.

Литература

1. *Джунковский С.* Поездка в Ревель и Гельсингфорс в 1839 г. СПб., 1840.
2. *Энциклопедический словарь* / Ф. А. Брокгауз, И. Я. Ефрон. СПб., 1893. Т. XX. С. 559–560.
3. [*Милюков, А.*] *Очерки Финляндии: Путевые записки А. Милюкова 1851–1852 г.* СПб., 1856.
4. [*Грот, Я.*] *Переезды по Финляндии от Ладожского озера до реки Торнео: Путевые записки Я. Грота.* СПб., 1847.
5. *Грот Я. К.* Автобиографические заметки // Я. К. Грот: Несколько данных к его биографии и характеристике. СПб., 1895.
6. *Материалы для жизнеописания академика Якова Карловича Грота (1812–1893): Хронологический обзор его жизни и деятельности* / Сост. К. Я. Грот. СПб., 1912.
7. *Булгарин Ф.* Летняя прогулка по Финляндии и Швеции в 1838 г. СПб., 1838. Ч. 1.
8. *Приймак Н. И.* Гельсингфорс 40-х годов XIX века в воспоминаниях Я. К. Грота // *Историография и источниковедение отечественной истории: Сб. науч. статей.* СПб., 2011. Вып. 6. С. 70–72.